М. М. Бондарь

ОБЪЕКТИВНОСТЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

В статье рассматриваются причины нарушений уголовно-процессуального законодательства, обосновывается необходимость нормативного закрепления принципа объективности предварительного расследования. Автор доказывает, что нужно следовать принципу объективности в уголовно-процессуальной деятельности, поскольку иное может привести к формализации уголовного процесса, предвзятости при доказывании, субъективизму при вынесении процессуальных решений по уголовному делу, обвинительному уклону в действиях следователей, прокуроров и судей, проведению поверхностных расследований, росту числа следственных и судебных ошибок.

В статье приведены доводы, подтверждающие, что при исключении законодателем из норм уголовно-процессуального закона принципа объективности предварительного расследования субъективизм может негативно влиять на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности; сделан вывод о том, что именно объективность уголовно-процессуальной деятельности как принцип уголовного судопроизводства может оказать положительное воздействие на качество предварительного расследования, предотвращая следственный и судебный произвол, использование закона по своему усмотрению, нарушение прав и свобод человека.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, предварительное расследование, принцип объективности уголовного судопроизводства, объективность оценки доказательств, субъективизм, процессуальные решения, нарушение уголовно-процессуальных норм.

M. M. Bondar

OBJECTIVE CHARACTER OF PRELIMINARY INVESTIGATION AS A PREREQUISITE TO PROVIDE LEGALITY AND VALIDITY OF THE PROCEEDINGS

The article deals with the reasons of violations of the criminal-procedural legislation as well as of the needs for normative fixation of the principle of objectivity in the preliminary investigation. The author also proves the necessity to observe the principle of objectivity in the criminal-procedural

activity, if this principle won't work, this can lead to: formalization of the criminal process, preconception in proving, subjectivism while taking procedural decisions related to the criminal case, adjudging persons to be guilty a priori in the investigators, prosecutors and judges' actions, conducting superficial investigations as well as increasing the number of investigative and judicial mistakes.

The author of the article argues the exclusion by the legislator of the norms of the criminal procedure law of the principle of objectivity of the preliminary investigation, subjectivism can have a negative influence on the course and results of the criminal-procedural activity. The author concludes that it is the objectivity of the criminal-procedural activity as the principle of the criminal procedure that can have positive influence on the quality of the preliminary investigation preventing investigative and judicial arbitrary treatment as well as the application of the law at his own and sole discretion, and violation of human rights and freedoms.

Key words: criminal-procedural activity, principles of the criminal procedure, principle of objectivity in the criminal process, objectivity of evidence estimation, subjectivism, procedural decisions.

Существование в уголовно-процессуальном законе оценочных понятий, недостаточная конкретизация норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), некоторая размытость правового регулирования отдельных аспектов уголовного судопроизводства приводят к субъективизму участников уголовного процесса, влекущему прямое нарушение прав и свобод человека и гражданина, являющихся высшей ценностью, основополагающим принципом уголовного судопроизводства.

По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», только за первые три месяца текущего года в Волгоградской области привлечено к дисциплинарной ответственности 24 дознавателя и 28 следователей за нарушения уголовно-процессуального законодательства, в которых не усматривается составов преступлений [1]. Анализ этих нарушений позволил установить, что они связаны с принятием в ходе расследования незаконных и необоснованных решений по уголовным делам, таких как незаконное и необоснованное приостановление уголовного дела, незаконный и необоснованный отказ в его возбуждении, принятие преждевременного и незаконного решения о возбуждении уголовного дела, несвоевременное назначение судебных экспертиз, проведение

неполного и некачественного расследования, ненадлежащая организация должного контроля за ходом расследования, рассмотрение ходатайств, исполнение полномочий по вынесению представлений об устранении условий, способствующих совершению преступления, неправильное составление обвинительного заключения. Характер выявленных нарушений говорит о том, что их совершение также связано и с субъективизмом при принятии решений в ходе уголовно-процессуальной деятельности. Возникает вопрос, как можно минимизировать нарушения уголовно-процессуальных норм при существовании субъективизма в уголовно-процессуальной деятельности, который необходим, в том числе, и для реализации назначения уголовного процесса России.

Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.), ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) [2] закрепляют требование объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства, представляющих судебные органы. В действующем УПК РФ нет прямого требования объективности и беспристрастности производства расследования и судебного разбирательства. Законодатель не включил его в перечень принципов уголовного судопроизводства. Возможно, исключение этого требования произошло в результате обобщения

правовых норм, и законодатель как бы «подразумевают» объективность и беспристрастность производства расследования в рамках реализации принципов назначения уголовного судопроизводства и состязательности сторон. Однако такое положение является, на наш взгляд, не совсем правильным. Здесь необходимо согласиться с мнением Г. А. Печникова о том, что действующий в настоящее время УПК РФ носит ярко выраженный состязательный характер, состязательность рассматривается в отрыве от объективной истины, противопоставляется ей [3, с. 4]. Действительно, отсутствие объективности как принципа расследования в конечном итоге может привести к формализации уголовно-процессуальной деятельности, предвзятости при доказывании, превалированию обвинительного уклона в действиях следователей, дознавателей, прокуроров и судей, проведению поверхностных расследований, множественности следственных и судебных ошибок.

Так, Президиум Волгоградского областного суда в своем постановлении «Обобщение практики рассмотрения судами Волгоградской области ходатайств органов предварительного расследования в порядке ст. 106—109 УПК РФ за 2017 год» [4] указал на то, что суды, уполномоченные на рассмотрение данных ходатайств, часто принимают решения об их удовлетворении, не обращая внимания на необходимость строгого соблюдения норм УПК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, более тщательного исследования конкретных оснований для избрания меры пресечения, заявленных в ходатайстве; не выясняют, изменились ли с течением времени обстоятельства, послужившие основанием для избрания меры пресечения; детально не рассматривают возможности применения в отношении лиц мер пресечения, не связанных с лишением свободы, не отражают результаты такого рассмотрения в постановлениях. Кроме того, выявлены случаи продления срока содержания под стражей или домашнего ареста, при которых судьи не в полном объеме проверяют, какие следственные действия проведены по делу с момента последнего продления срока содержания под стражей или домашнего ареста, а также поверхностно изучают данные о личности обвиняемого, недостаточно всесторонне и полно исследуют основания и обстоятельства,

подтверждающие необходимость продления этой строгой меры пресечения.

Проведенные данные также свидетельствуют о том, что причинами таких судебных ошибок служат, в том числе, некачественность и необъективность материалов, прилагаемых следователями и дознавателями к ходатайству об избрании меры пресечения. Скучность и односторонность представляемых судье на рассмотрение материалов влекут за собой вынесение незаконных и необоснованных решений суда и, соответственно, нарушение прав граждан.

Следователи и дознаватели, склоняясь в сторону обвинительного уклона, не выполняя требования объективности расследования, нередко ходатайствуют перед судом об избрании самой строгой меры пресечения — заключения под стражу, мотивируя необходимость принятия решения только невозможностью применения иной, более мягкой, меры пресечения.

Требование объективности не указано в действующем УПК РФ даже для оценки доказательств. Правильна точка зрения П. А. Лупинской, которая считает, что внутреннее убеждение при оценке доказательств должно быть основано на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности и не может быть оторвано от объективных свойств оцениваемых доказательств, от той объективной связи, которая устанавливается между доказательствами в их совокупности; всестороннее, полное и объективное рассмотрение всех обстоятельств уголовного дела должно лежать в основе принципа оценки доказательств и определять внутреннее убеждение [5, с. 105]. В связи с этим полагаем, что именно объективность уголовно-процессуальной деятельности как принцип уголовного судопроизводства и может служить так называемым барьером, предотвращающим следственный и судебный произвол, неограниченный субъективизм, использование закона по не стесненному никакими пределами усмотрению.

Согласно ст. 21 УПК РФ [6] лицо,

наделенное полномочиями осуществлять уголовное преследование, в каждом случае обнаружения признаков преступления обязано принять меры по установлению события преступления, изобличению лица, виновного в его совершении, установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию. Реализация же положений ст. 73 УПК РФ производится профессиональными участниками уголовного судопроизводства посредством доказывания. При этом предоставленное законодателем право оценки доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и в совокупности достаточности для разрешения уголовного дела в реальности дает правоприменителю возможность осуществления уголовно-процессуальной деятельности по собственному внутреннему субъективному убеждению. Отсутствие прямого указания на необходимость соблюдения объективности при производстве по уголовному делу (оценке доказательств, принятии процессуальных решений, производстве процессуальных действий, направлении хода расследования) может привести к негативным последствиям. Следователи и дознаватели при доказывании могут упустить значимые для расследования обстоятельства и факты. На практике встречаются случаи, когда лицами, производящими предварительное расследование, в ходе следственных действий не изымаются объекты ввиду сложности их изъятия, длительности проведения с ними исследований (в особенности если лицо, совершившее преступление, уже установлено), заранее предполагаемой незначительности для дальнейшего расследования. Следователи и дознаватели также не выявляют важные для уголовного дела обстоятельства, считая достаточным для уголовного преследования минимум доказательств, а иногда даже игнорируют установленные в ходе расследования факты.

В уголовно-процессуальном законе не закреплено требование объективности производства расследования, значит, и соблюдать его необязательно. Деятельность участника уголовного судопроизводства и принимаемые им решения могут

основываться на соображениях удобства, уверенности в правильности своих действий, минимализации личных затрат при расследовании и других подобных «необъективных» причинах.

Кроме того, в уголовно-процессуальном законе отсутствует прямое требование объективности процесса доказывания с позиций относимости, допустимости и достаточности. Эти термины являются неконкретизированными, относительно определенными, что закономерно влечет за собой совершение процессуальных действий и принятие процессуальных решений по так называемому «внутреннему убеждению», «субъективному мнению».

Такое положение уголовно-процессуального законодательства может обуславливать несколько вариантов правового поведения лиц, уполномоченных на производство предварительного расследования.

Первый вариант, когда «внутреннее убеждение» как проявление субъективизма берется за основание для оценки доказательства, которое представляется убедительным только для конкретного следователя, дознавателя или прокурора. В этом случае решение может быть принято «в пользу» того участника уголовного процесса, «в пользу» которого собраны более убедительные, хотя и не абсолютно неоспоримые доказательства. То есть бремя доказывания может быть снято установлением и сбором доказательств, не являющихся совершенно непроверяемыми. Свое решение должностное лицо, производящее расследование, мотивирует только своей убежденностью в доказанности какого-либо факта, опровергать или дополнять которую он не собирается. Психолог Даниэль Канеман утверждает, что человек, оценивающий что-либо или ищущий ответ на какой-либо вопрос, основывается на эвристиках — «ментальных ярлыках», которые помогают принимать решения. Д. Канеман одним из наиболее мощных «ментальных ярлыков»

называет «то, что ты видишь — это все, что есть», т. е. человеческий мозг делает выводы на основании уже известных ему данных, при этом в значительной степени игнорирует факты, которые бы могли затруднить процесс принятия решения. Такие бессознательные предубеждения могут оказать значительное влияние на отношение к исследуемому событию. Впоследствии, даже при получении большего объема информации, в основном будет только укрепляться первоначальное «предвзятое» суждение, уверенность в правдивости факта, установленного первым, так как это психологически проще для человека [7, с. 220]. По той же причине, как правило, первое полученное доказательство формирует убежденность в правоте, и вся дальнейшая деятельность «подгоняется» под этот факт. На практике часты случаи возникновения ситуации, когда лицо, первым обратившееся с заявлением о преступлении, приводит свои доводы, на основании которых возбуждается уголовное дело и строится первоначальное расследование, происходит «перевес доказательств» в пользу этого «первого» заявителя. Однако в ходе дальнейшего разбирательства выясняются обстоятельства, когда преувеличивается тяжесть деяния ввиду личной неприязни, или же факты спорной собственности на похищенное имущество, что ведет к нарушениям прав граждан.

Второй вариант, когда «внутреннее убеждение» рассматривается как указание на то, что простого первенства, перевеса доказательства без абсолютной уверенности в его истинности или ложности для исследуемого события недостаточно для признания данного факта установленным. Подобные обстоятельства могут быть вообще не учтены в ходе расследования, несмотря на их достоверность. В этом случае при принятии решения лицо, производящее расследование, считает неубедительными предоставленные или полученные доводы. Эта ситуация может возникнуть, например, при отказе в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела предметов или документов, проведении процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, которые, по мнению стороны, имеют значение для уголовного дела. Здесь «страдает» и принцип

состязательности: все же следователь играет главенствующую роль в принятии решений в уголовном процессе. В законе есть указание на обязанность следвателя установить и обстоятельства, смягчающие вину обвиняемого, влекущие освобождение от уголовной ответственности, однако на практике неформально превалирует обязанность следвателя «довести возбужденное уголовное дело до суда», привлечь к уголовной ответственности лицо, в отношении которого избиралась мера пресечения или было возбуждено уголовное дело.

Таким образом, очевидно, что отсутствие указания на обязанность объективного расследования может привести к серьезной потере продуктивности уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим справедливо мнение С. А. Шейфера о том, что современный российский следователь находится в неоднозначном положении и испытывает «состояние внутренней раздвоенности», будучи, с одной стороны, субъектом уголовного преследования, обязанным собирать уличающие обвиняемого (подозреваемого) доказательства, а с другой — «исследователем, вынужденным опровергать самого себя», устанавливая при этом несовместимые с обвинением обстоятельства [8]. С. А. Шейфер также указывает и на широко распространенные в следственной и судебной практике тенденции к сужению пределов доказывания, попытки компенсировать пробелы исследования за счет разного рода упрощенческих стереотипов доказывания [9, с. 47].

Третий вариант. Если рассматривать тезис о «внутреннем убеждении» как чисто субъективном принципе оценки доказательств, не ограниченном необходимостью достижения объективной истины, то следователь, дознаватель, прокурор, судья в процессе расследования должен просто положиться на свою интуицию и принять решение, которое ему «по душе». В данном случае речь идет не только о прямых нарушениях закона — преступлениях правоприменителей. Следователи, дознаватели, прокуроры, судьи — это люди со своими личными предпочтениями, мнением, мировоззрением, пристрастиями и предубеждениями. Очевидно, что при отсутствии указания на необходимость производства объективного расследования объективность оценки доказательств лицом, производящим расследование, может придать уголовному судопроизводству исключительно обвинительный уклон, намеренно не учитывая

иные обстоятельства и факты, стараясь при установлении минимума доказательств «быстрее» предъявить обвинение и направить уголовное дело прокурору, избрать более или менее строгую меру пресечения в отношении обвиняемого при симпатии или антипатии к его личности и т. д.

Последний вариант правового поведения с игнорированием некоторых установленных в ходе расследования фактов согласно «внутреннему убеждению» наиболее опасен. В данном случае весы правоохранительной системы не просто заранее «перекошены» в сторону обвинительного уклона, что предсказуемо для действующей уголовно-процессуальной системы, но могут склоняться в ту или другую сторону в зависимости от личных, индивидуальных предпочтений правоприменителя. Ни о какой эффективности такой правовой системы и достижении цели уголовного судопроизводства не может идти речи. Подобная позиция законодателя усложняет контроль за правоприменительным процессом, поскольку нельзя быстро и наверняка воздействовать на субъективные предпочтения лиц, ведущих расследование, невозможно своевременно и эффективно влиять на конкретного правоприменителя, руководствующегося при принятии решений чисто субъективными началами.

Исходя из вышесказанного, стоит согласиться с мнением ученых-процессуалистов о необходимости внесения в УПК РФ требования всесторонности, полноты и объективности расследования [10, с. 560; 11, с. 9; 12]. В связи с этим Г. П. Химичева справедливо отмечает, что нельзя признавать обоснованным упразднение принципа объективности, полноты и всесторонности исследования обстоятельств уголовного дела, поскольку на практике этот факт может привести «к выявлению не всех эпизодов преступной деятельности

и только некоторых участников преступления, к «противоправным сделкам» с обвиняемым, когда в обмен на признание вины ему не предъявляется обвинение в совершении других преступлений» [13, с. 71]. Н. Солнцева считает, что с позиции логики и здравого смысла исчезновение принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств преступления из системы принципов уголовного судопроизводства влечет за собой потерю самой цели назначения уголовного процесса как деятельности по расследованию и разрешению уголовного дела, которая направлена на обеспечение охраны прав и свобод человека и

гражданина, общественного порядка и общественной безопасности, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, при этом называя принцип всесторонности, полноты и объективности расследования обстоятельств преступления — «принципом-невидимкой» [14].

Вместе с тем некоторые авторы обращают внимание на то, что принцип объективности, полноты и всесторонности расследования, хотя прямо и не указан в УПК РФ, однако содержится в его тексте. Так, в ч. 4 ст. 152 УПК РФ говорится о возможности производства предварительного расследования по месту нахождения обвиняемого или свидетелей в целях обеспечения полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков расследования; в ч. 2 ст. 154 УПК РФ содержится указание на возможность выделения уголовного дела в отдельное производство, если это не отразится на всесторонности и объективности расследования [9, с. 48; 15, с. 36]. Но подобного незначительного и редкого упоминания столь необходимого требования, как объективность расследования, недостаточно. Здесь интересно мнение В. Н. Исаенко, который, с одной стороны, указывает, что, несмотря на отсутствие в УПК РФ принципиального положения, обязывающего органы уголовного преследования и суд обеспечить всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств совершенного преступления, данная обязанность этих органов продиктована и содержанием отдельных взаимосвязанных норм УПК РФ, а также смыслом и логикой содержания уголовно-процессуального закона в целом. С другой стороны, наряду с этим утверждением автор выступает за включение требования полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела в число принципов уголовного судопроизводства [16, с. 173].

Еще Ф. Бэкон писал, что «закон можно считать хорошим в том случае, если смысл его точен, если требования его справедливы, если он легко исполним, если он согласуется с формой государства, если он рождает добродетель в гражданах» [17, с. 207]. Объективность уголовно-процессуальной деятельности как основополагающий принцип уголовного судопроизводства России необходим, в том числе, и для соблюдения и правильной реализации уже закрепленных принципов: назначения уголовного судопроизводства, состязательности сторон, охраны прав и свобод человека и гражданина. Именно объективность

уголовного судопроизводства или по крайней мере стремление к ней позволит избежать незаконного привлечения к уголовной ответственности, ухода от ответственности виновных лиц, нарушений прав и свобод человека.

1. Справочная статистическая информация ФКУ «ГИАЦ МВД России» по состоянию на 05.04.2018.

2. Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.), ратифицирована Россией 30 марта 1998 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.), ратифицирован Указом Президиума ВС СССР 18 сентября 1973 г. URL: <http://www.base.garant.ru/2540800/> (дата обращения: 30.03.2018).

3. Печников Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2005. 49 с.

4. Обобщение практики рассмотрения судами Волгоградской области ходатайств органов предварительного расследования в порядке ст. 106—109 УПК РФ за 2017 г.: утв. постановлением Президиума Волгоградского областного суда от 14.02.2018. URL: [www:http://oblsud.vol.sudrf.ru](http://www.oblsud.vol.sudrf.ru) (дата обращения: 05.04.2018).

5. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма-Инфра-М, 2010. 240 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.05.2018).

7. [Канеман Д., Словик П., Тверски А.](#) Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. [Харьков: Ин-т прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005. 632 с.](#)

8. Шейфер С. А. Российский следователь — исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34—36.

9. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: моногр. М.: Норма, 2009. 175 с.

10. Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: моногр. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 560 с.

11. Гармаев Ю. Всесторонность и полнота расследования // Законность. 2002. № 9. С. 6—9.

12. Кудрявцев В. Л. Уголовное

1. Inquiry Statistical Information of the FGI „MIAC of the MIA RF“ as of 05/04/2018.

2. Convention Relating to the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms ETS № 005 (Rome, 4 November 1950) Ratified by Russia on 30 March 1998; International Covenant on Civil and Political Rights (New York, 16 December 1966) ratified by the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR on 18 September 1973. URL: [www.http.garant.ru/ 2540800/](http://www.base.garant.ru/2540800/) (reference date: 30/03/2018).

3. Pechnikov G. A. Dialectical Problems of Truth in the Criminal Process: author's abstract of dis ... of dr. of jurid. sciences. Volgograd, 2005. 49 p.

4. Generalization of the Practice of the Volgograd Region Courts to Examine the Petitions of the Preliminary Investigation Bodies According to Art. 106—109 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation dated of 2017: approved by the Decree of the Presidium of the Volgograd Region Court dated of 14/02/2018. URL: [www: http://oblsud.vol.sudrf.ru/](http://www.oblsud.vol.sudrf.ru) (reference date: 05/04/2018).

5. Lupinskaya P. A. Decisions in the Criminal Proceeding: Theory, Legislation, Practice. The 2-nd ed., reviewed and added. Moscow: Norma-Infra-M, 2010. 240 p.

6. Criminal-Procedural Code of the Russian Federation dated of 18/12/2001 № 174-FZ (amended 23/04/2018). URL: <http://www.consultant.ru> (reference date: 10/05/2018).

7. Kahneman D., Slovik P., Tversky A. Taking Decisions under Uncertain Circumstances: Rules and Prejudices. [Kharkov: The Institute of the Applied Psychology Humanitarian Center, 2005. 632 p.](#)

8. Sheifer S. A. Is the Russian Investigator a Researcher or a Persecutor? // Russian Justice (Justitia). 2010. № 11. P. 34—36.

9. Sheifer S. A. Evidence and Proving in Criminal Cases: Problems of Theory and Law Regulation: monograph. Moscow: Norma, 2009. 175 p.

10. Azarov V. A., Revenko N. I.,

судопроизводство как сфера особой защиты конституционных прав и законных интересов человека и гражданина // Адвокат. 2008. № 9. С. 12—19.

13. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам (Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 399 с.

14. Солнцева Н. Принцип-невидимка в уголовном судопроизводстве // Законность. 2003. № 5. С. 37—38.

15. Романов С. В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. № 1. С. 18—37.

16. Исаенко В. Н. Оценка прокурором всесторонности, полноты и объективности результатов предварительного расследования // Пробелы

в российском законодательстве. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 19.04.2018).

17. Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Цит. по: История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 944 с.

Kuzembaeva M. M. Function of the Preliminary Investigation in History, Theory and Practice of the Criminal Process in Russia: Monograph. Omsk: Izd-vo Omsk State University, 2006. 560 p.

11. Garmaev Yu. Comprehensiveness and Completeness of Investigation // Legality. 2002. № 9. P. 6—9.

12. Kudryavtsev V. L. Criminal Proceeding as a Sphere of Special Protection of the Constitutional Rights and Legal Interests of a Person and a Citizen // Advocate. 2008. № 9. P. 12—19.

13. Khimicheva G. P. Pre-trial Proceedings in Criminal Cases (Conception of Improving Criminal-Procedural Activity): dis. ... of dr. of jurid. sciences. Moscow, 2003. 399 p.

14. Solntseva N. Invisibility-Principle in Criminal Proceedings // Legality. 2003. № 5. P. 37—38.

15. Romanov S. V. Requirement of Comprehensiveness, Completeness and Objectivity of Examining the Circumstances of the Criminal Case as a Necessary Factor for Preliminary Investigation // Vestnik of the Moscow State University. Series 11. Right. 2008. № 1. P. 18—37.

16. Isayenko V. N. Prosecutor's Evaluation of the Comprehensiveness, Completeness and Objectivity of the Results of the Preliminary Investigation // Gaps in the Russian Legislation. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru> (reference date: 19/04/2018).

17. Bacon F. Great Restoration of Science // Quote: History of Political and Law Doctrines: Textbook for Higher Schools / ed. by the Russian Academy of Sciences (RAS), doctor of jud. sciences, prof. of V. S. Nersesyants. The 4-th ed., reviewed and added. Moscow: Norma, 2004. 944 p.

© Бондарь М. М., 2018

© Bondar M. M., 2018